

Эпоха рыбы

ПАВЕЛ
ЛЯТОШИНСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Лятошинский

Эпоха рыбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684716

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга состоит из двух рассказов. Обе истории охватывают один и тот же временной отрезок. Череда рутинных событий даёт героям неожиданные ответы на вечные вопросы. Содержит нецензурную брань.

«Эпоха рыбы»

(история первая)

Глава первая

Приступ кашля разбудил пожилого мужчину в вагончике. Он отпил из стоявшей возле кровати бутылки и выругался, сплевывая на пол:

– Твою ж мать, разве это вода? Моча какая-то, тьфу!

Свернутый бушлат под головой, заменял подушку и насквозь пропитался потом.

Светало. Послышался глухой стук в окно.

– Дми-трич. Дми-трич. Иди, чего покажу, – едва слышно бубнил голос за окном.

– А, копатель, ты, – зевая, отозвался старик.

– Июнь в этом году очень жаркий, вот я и решил, это самое, пораньше сегодня, – оправдывался пожилой мужчина и грязным пальцем указывал на свешивавшийся по обе стороны велосипеда мешок медной проволоки.

За железнодорожным переездом, в начале улицы Тополиной, Дмитрич сторожил территорию, на которой некогда складировали отходы производства компрессорного завода.

Завода не стало. Отходы вывезли, а территорию сдавали в аренду. Последние арендаторы месяц, как съехали и вокруг, на сколько хватал глаз, стелилась трава с редкими островками щебня.

Копатель, именем которого сторож не интересовался, часто приезжал на стареньком «аисте». Наковыряв кайлом медных трубок и проводков, он вез их в пункт приема лома цветных металлов. В благодарность за возможность проводить свои раскопки, копатель угощал Дмитрича дешевым алкоголем и иногда привозил еду.

Неделю спустя жизнь сторожа наполнилась новым смыслом. Бывшая свалка была передана в аренду фирме, производившей железобетонные изделия. На территории появились люди и техника. Впрочем, изменения были не такими уж существенными. Постоянно трудился только один парень, который связывал стальной проволокой пруты арматуры и укладывал их в опалубку. Ближе к полудню приезжал грузовик с полусухим бетоном и опалубки наполнялись серой смесью. Водитель обменивался с рабочим парой фраз, курил и неспешно уезжал. Ближе к вечеру автокран вынимал из опалубок колодезные кольца, и складывал их за вагончиком.

Копатель больше не приезжал.

Сторож присматривался к соседу. Рабочий, которому едва исполнилось двадцать лет, избегал старика, пока в отлаженный рабочий процесс не вмешались затяжные дожди.

Третий день дождь не прекращался. Работа стояла.

В вагончик сторожа заглянул худой низкого роста парень.

– Андрей, – представился рабочий и протянул Дмитричу изъеденную бетоном руку.

– Иван Дмитриевич, – протянул руку старик, – для друзей, просто Дмитрич.

– Ну и дождище. Льет как из ведра, – начал беседу Андрей, – раньше, говорят, такого не было, всё из-за водохранилища, да?

Старик пожал плечами.

– Чаю будешь? Только закипятил.

Андрей покачал головой и прислонился к двери. С резиновых сапог на пол стекала грязь, перемешанная с цементом.

Юноша разглядывал разворот журнала десятилетней давности, аккуратно приклеенный на стене. На фотографии была девчачья музыкальная группа. Небрежным жестом Дмитрич указал на кудрявую блондинку в центре плаката и добавил:

– Внучка моя, Машка.

Андрей напряженно вглядывался в лицо девочки.

– Я пошутил, – прервал Дмитрич поток мыслей.

– Нет у меня никакой внучки. Есть Жук, друг. Ты его знаешь, в будке перед вагончиком живет, собака моя сторожевая, – продолжал старик. – Никого нет, а Жук есть.

– Иван Дмитрич, я тут заметил, что вы постоянно здесь? Дом-то у вас есть? – поинтересовался Андрей.

– Конечно, есть. Далеко, правда, отсюда. В другом районе. А какие у меня деревья в саду... – не унимался старик. Он лукавил. Ни дома, ни сада, ничего у него было.

Глава вторая

О прошедшем накануне ливне ничего не напоминало. Земля с жадностью впитала каждую выпавшую с неба каплю. Обильные осадки не давали свежести. Вода, попадая на камни, испарялась моментально, наполняя воздух липким паром.

Андрей застал Дмитрича за чтением школьного учебника по литературе. Потрепанная книга в твердом переплете с огромным жирным пятном лежала на коленях. Старик страдал дальновзоркостью и только так мог прочитать мелкий шрифт.

– Правильно, Дмитрич, лучше уж поздно, чем никогда.

Старик не поднимал головы от книги. Бледные, с синим оттенком, губы едва заметно шевелились. Коротко прокашлявшись, он произнес:

– Послушай что написали:

«Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса -

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса...»

– Пушкин в Краснодаре просто не был, перебил Андрей.

Нет никакого уныния, а тем более увядания. Листья цвет поменяют, но это не увядание, как например седина, а вроде бы как девчонка перекрасила волосы, а всё такая же озорная...

– Ты по делу или так? Бетон везут, так что, хватай свою лопату и не мешай образованному человеку наслаждаться поэзией золотого века, – закипал от злости старик.

– Я, если что, здесь ненадолго. Поработаю немного, пока работу по специальности не найду с кондиционером и хорошей зарплатой.

– Мы все здесь ненадолго, потому что жизнь коротка. Я когда сюда приехал, тоже на лучшую долю рассчитывал. А вышло так, как вышло. Специальность сейчас у всех одна, и я этот город давно понял – город посредников. Никто не хочет работать, заводы-фабрики стоят, одни начальники во-круг и те, кто их проверяет, и ещё те, кто контролирует тех, кто проверяет их всех, и так бесконечно. Чем ты лучше?

– Не лучше, не хуже, а всё же даст Бог мне лучше жизнь когда-нибудь.

– Даст Бог, – усмехнулся старик – пойд и возьми, причем здесь Бог? Я в церквях не был и на Бога никогда не кивал. Сам на себе всё тянул. Тяжело было. Всегда. Я когда сюда приехал, поначалу никого не знал, наивный, думал же, что на юге у всех всё хорошо. Денег не было. Пойду, бывало, на колхозный рынок и в засаде у туалета стою. Там перегородки низкие между кабинками были, не знаю, как сейчас, а тогда по пояс были, не выше. Так вот стою, жду. Идет представи-

тельного вида член, я за ним. Только он присядет, так я шапку его меховую хватаю, под куртку суну, и бежать со всех ног. Ну а он – то с голой задницей далеко не убежит. Вечером на Гидрострое продам за копейки и день ещё протяну. Сейчас всё проще. Намного проще.

Старик запнулся. Выражение его лица моментально переменялось, как будто вспомнил что-то очень важное. Всё это время он не поднимал головы, и со стороны могло показаться, что диалог ведется с сапогами Андрея. Подняв голову и глядя в глаза юноше, он продолжил:

– Странное дело, про Бога часто теперь слышу, а вот портрета его не видал. Что скажешь, специалист, может, ты мне его покажешь?

– Его нет, – пробормотал Андрей, – то есть, портрета нет, как вы выразились, а Бог он точно есть. Сын у него был – Иисус Христос, вот его портрет есть – икона называется.

– Иисус тогда получается, что не Бог?

– Нет, – нерешительно возражал юноша, – Иисус он сын Бога, но он, как бы, был человеком. Мать его человеком была, а сам он, тоже, вроде, Бог. Не знаю, как правильно это сказать. Бог его на землю послал, что б он людям рассказывал, как жить правильно, и что б души спасти их тоже. Еще он по воде ходил, и...

– Как так по воде ходил? Куда ходил?

– Не знаю куда ходил и зачем, слышал, что по воде ходил.

– Ну, раз ходил, значит надо было ему. Так каждый смо-

жет. Ты ж сказал, что он человеком был, ну а раз человеком был, значит, и я повторить такой фокус сумею, – не унимался старик.

Спор прервал прибывший грузовик с бетоном.

Привычными движениями Андрей перекидал из кузова грузовика в металлические цилиндры едва влажную бетонную смесь, затем спрыгнул на землю, щелкнул рубильник, и пара вибрирующих двигателей моментально утрамбовали смесь в формах. Сотни раз повторял Андрей эту несложную, доведенную до автоматизма, операцию, но сегодня всё валилось из рук.

– Соберись, Андрюша, – напутствовал водитель грузовика, – арматура вон торчит, подлечить нужно.

Андрей не слушал. Слова старика звучали, как приговор: «Я тоже на лучшую долю рассчитывал. А вышло, так как вышло». «Ну уж нет, – отмахнулся Андрей от навязчивой мысли, – конечно, я лучше, уж точно лучше старого алкаша».

Подняв на лопате рассыпавшуюся бетонную смесь с земли, водитель грузовика отправил её в цилиндрическую форму для колодезных колец.

– Ну, вот, теперь порядок, – отрапортовал водитель и вручил растерянному Андрею его орудие.

Глава третья

Быстрым шагом Андрей шел мимо сторожки. Жук грелся

в лучах утреннего солнца. Легким колебанием хвоста он приветствовал рабочего, не поднимая головы. За спиной Андрей услышал скрип двери вагончика и почувствовал взгляд старика.

– Стой, кто идет! – саркастически скомандовал сторож и подошел к Андрею. – Ты на меня старого, не обижайся, я тут совсем одичал, кроме как с Жуком и поговорить-то не с кем.

– Я не обижаюсь, Дмитрич, вы, конечно, во многом правы, люди все разные, и кто-то должен...

Старик несогласно качал головой. Андрей запнулся, не зная, как реагировать на протест старика и не решался продолжить, хотя слова бешеной лавиной рвались с языка.

– Все люди одинаковые, Андрюш. От твоего отношения к этому всё зависит. Ты вот смотришь на меня и думаешь, что я другой, не такой как ты. Зажмурься, и не увидишь разницы. Представь на секунду, что я чувствую, когда занозу под ноготь вгоню, ну или хожу в тесном ботинке, да что хочешь представь. Представил. Вот то-то же. Мы с тобой чувствуем одно и то же и всем нам одинаково известны и боль, и тепло, и холод, и голод, и радость. Где же разница, по-твоему?

– В душе разница, где же еще?!

Старик пожал плечами.

– Удобно так жить. Бог поможет, Бог даст, а разница в душе. Себе-то веришь?

– Верю, конечно. Как иначе!?

– А если Бог есть, то почему же тогда войны случаются,

и невинные почему же страдают, откуда несправедливости столько?

Андрею наскучил этот разговор. Меньше всего заботили его этим утром вопросы духовности и божественного провидения, но чувство вины за вчерашнюю размолвку не давало Андрею оборвать разговор резко, так, как ему того хотелось.

– Иван Дмитриевич, сходили бы вы в церковь. Я всё ж по бетону мастер, а там мастера по душам и беспокоящим вас вопросам. Сходите. Не укусит вас там никто. Батюшке вопросы зададите, и он вам всё по полочкам разложит, а мне опалубку разобрать нужно, – сказал Андрей и, кивнув головой на площадку, уставленную зелеными цилиндрами, оставил старика.

«Пойду. Сегодня же за поход в церковь никто не казнит, наверно», размышлял старик, тщательно выполаскивая в кружке бритвенный станок. Вокруг стоял крепкий аромат «Шипра». Волнение переполняло сторожа через край. Он редко выходил за пределы вверенной ему территории.

Поборов сомнения, старик направился на автобусную остановку. Автобус подошел по расписанию. Дмитрич оплатил проезд и занял свободное место возле окна.

Город менялся. Новые дома сверкали роскошью, но улицы были все такими же узкими, как и много лет назад.

Вблизи Свято-Екатерининского собора нищие лениво просили милостыню, выставив перед собой стаканчики с мелочью. С грохотом пронесся трамвай. Старик подошел

к входу. Массивные двери распахнулись перед ним тихо и легко. Посреди просторного зала находилась алюминиевая емкость, перед которой стояли люди: нарядные мужчины и женщины с покрытыми платками головами. Священник троекратно погрузил младенца в купель и произнес: «Крещается раб Божий Иоанн во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь». Младенец истошно кричал в руках служителя церкви, что вызывало у присутствующих непонятное старику умиление.

Дмитрич осторожно сделал несколько шагов в сторону от входа. Постоял. Осмотрелся. Никем не замеченный, ходил он вдоль стен собора, разглядывая фрески и сверкающие золотом иконы. Старика не покидало чувство, что за ним кто-то наблюдает. Казалось, что вот-вот кто-нибудь выскочит из-за угла, ткнет в него пальцем и прилюдно осудит его за присутствие в этом месте, но никто на него так и не обратил внимания. Тонкие свечи, горевшие повсюду, наполняли воздух приторным ароматом воска. Почувствовав головокружение, старик попятился к выходу.

Стремительно близился вечер. Дмитрич проехал несколько остановок на трамвае и пересел в автобус, который вез его по Ростовскому шоссе к «Компрессорному заводу». На остановке было много людей, и каждый старался подойти поближе к двери автобуса.

Дмитрич глубоко выдохнул и обтер со лба пот, когда толпа у автобуса оказалась позади. Его внимание привлекла пожи-

лая женщина. Она не торопилась попасть в автобус, а скромно сидела на скамейке. Перед женщиной стояла клетчатая сумка, из которой торчала голова черной курицы. Стрик на мгновение замер. Показалось, что видит он свою бабуку, сидящую на похожей остановке с мешком, в котором сидел петух, ожидающий своей участи. Женщина на остановке, даже близко, не была похожа на бабуку, ту, что воспитывала его с ранних лет, но сама ситуация казалась такой знакомой и родной.

Поселок городского типа, в котором прошло детство Дмитрича, находился на правом берегу реки Камы в Нытвенском районе Пермского края.

Рабочих лесоперевалочного комбината расселили тогда в бараки, отстроенные по соседству. Хозяйство бабуки состояло из рыжего кота и старого черного петуха. Много раз старуха порывалась зарезать птицу, но не поднималась рука. Ваня возвращался со школы и застал свою бабуку на конечной остановке, настойчиво требующей от водителя автобуса:

– Зарежь петуха, не откажи. Я если бы могла, так и не попросила. Сил не хватает. Режь, говорю.

– Кровью меня заляпает твой петух, не отмоюсь ведь, а мне людей возить. Что они подумают, когда меня по локоть в крови увидят, а?

Встретившись взглядом с внуком, старуха отступила. Иван подхватил мешок с петухом, и они все вместе направились домой. Из-за дощатого забора выглянул пухлый ра-

бочий лесоперевалочного комбината. Он вопросительно посмотрел на петуха, затем на бабушку и вновь на петуха.

– Бабуль, ну вы ж скотину резать-то обещали, а отчего помиловали? – обратился рабочий к старушке. – Он же, собака такая, спать всему району не дает. Только к утру в комнату подует прохладный ветерок, а вместе с ним и оглушительное кукареку зверинца вашего.

– Жалко, сынок. Не могу. Вот, хоть убей, а не могу, – оправдывалась старушка.

– Не можете зарезать, так продайте его мне, – взмолился рабочий.

Взгляд старухи метался от мешка, в котором всё еще сидел петух, к соседу и обратно.

– Рубль дам, – начал торги сосед. Тут же, не заметив энтузиазма, он продолжил, – три рубля, пять рублей дам, пять, только отдайте мне проклятого петуха.

Старуха развязала мешок, дав волю пленнику, после чего извинилась пред соседом и зашла в дом. Сцена, свидетелем которой был Иван, глубоко поразила юношу.

– Вы при мне просили зарезать несчастного петуха, а теперь же отказались продать его даже за пять рублей???

– Ванечка, я действительно хотела его зарезать, но откуда же мне было знать, что он так дорого стоит! Да мне же суп с него в горле за такие деньги станет.

Дмитрич вспомнил эту сцену так живо и так ясно, как если б увидел её только вчера. Но бабушки не было в живых

уже очень много лет. Усталой улыбкой старик попрощался с незнакомкой, которая так и не поняла причину внимания к своему живому багажу.

Глава четвертая

Иван Дмитриевич переступил порог вагончика и почувствовал невероятное облегчение. Он пил с носика закопченного чайника и никак не мог напиться. На лбу проступил холодный пот, кровь пульсировала в жилах. Признаки болезни уставшего сердца были ему хорошо знакомы. Не снимая ботинок, он опустился на постель и долго глубоко дышал с закрытыми глазами.

Дыхание стало ровнее.

– Этого только не хватало, – причитал дед, – и надо же мне было на экскурсию эту ехать, чего спрашивается, я там не видел?!

За окном сгущался мрак. Старик расстегнул все пуговицы на рубашке. Толкая поочередно носком одного ботинка каблук другого, он сбросил пыльную обувь и заснул.

Сторожа разбудил глухой металлический звон. За окном ярко светило солнце. Пачка сигарет топорщилась в кармане брюк. Лежа достать сигареты не получилось. Опираясь на жесткую постель, он слегка приподнялся. Ноющая боль шла от левой ноги к пояснице. Проклиная всё, на чем стоит свет, Дмитрич все же встал с кровати и, шатаясь, покинул свое

жилище.

Андрей отбивал молотком застывший на лопате бетон. Увидев старика, он отложил инструменты в сторону и поднялся с колен. Мужчины молча поприветствовали друг друга рукопожатием. Дмитрич вынул из кармана мятую пачку «Явы», заглянул в нее и швырнул в сторону, что означало – сигарет не осталось.

– И у меня кончились, – нарушил тишину Андрей, – но есть кофе. Растворимый.

Старик кивнул:

– Пойду, поставлю чайник.

В стороне от вагончика сторожа стояла печка-буржуйка. Добротная армейская печь из чугуна в теплые месяцы стояла на улице. На ней Дмитрич варил кашу, которой питался сам и кормил собаку. Зимой печью отапливался вагончик.

Старик сунул в топку смятую газету, обложил её щепками и поджег. Из трубы пошел белый дым, медленно опускаясь и разъедая глаза. В огонь отправились несколько просушенных дощечек. Дым заструился ровно и почти без запаха. Вскоре вода в чайнике закипела. Андрей высыпал в кружки кофе из пакетиков, залил кипятком и поставил на колоду для колки дров. Туда же он положил пачку сигарет, которую купил, пока грелся чайник.

Утро было прохладным. Старика знобило. Крепко, обеими руками, он сжимал кружку с кофе, легонько дуя на горячий напиток. Отпив маленький глоток, Дмитрич поставил

кружку обратно на пень. Он задумчиво смотрел на пар, поднимающийся с кружки. События, которые происходили давно, старик помнил очень точно, до мелочей, но не всегда был уверен в том, что происходило вчера. Дед утешал себя тем, что ни вчера, ни позавчера не происходило ничего, о чем стоило бы вспоминать.

– Хороший ты, Андрюха, человек всё-таки. Много тут народу разного до тебя работало. Важные все, деловые ходили. Не здоровались даже, не то, что б кофеем угостить.

– На здоровье, Иван Дмитриевич, чем богаты, так сказать.

– Не в богатстве дело. Богачи народ скупой, уж поверь на слово. И называй меня, пожалуйста, просто – Дмитрич, я, так больше привык.

– Да, уж, легче будет верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное, – заключил Андрей уверенно, и добавил, – так в Библии написано.

– Правильно написано, я хоть и не читал, а соглашусь, что правильно. В мое время Библию не читали, а жили, получается, так, как написано. Сейчас все образованные, в церкви ходят, свечи ставят, а стакана воды не допросишься. Одно на уме – деньги.

Андрей соглашался с каждым словом.

– Сейчас принято считать, что при коммунистах все атеистами были, – продолжал старик, – это не так. И раньше в Бога верили, просто не принято было это обсуждать. Кто очень хотел, тот и крестик носил и даже в церковь ходил. Я

как-то не думал об этом раньше. При крепком здоровье об этом вообще мало кто думает. Случилось же мне как-то на кладбище поработать...

Андрей вздрогнул и уставился на старика взглядом, полным недоумения.

– В смысле, на кладбище? Кем?

– Ну, я ж строитель, вот и строил там склепы, памятники устанавливал. Так вот, должен тебе сказать, что даже партийным работникам, почившим, желали царствия небесного. Никто ведь не знает, что их там ждет, а страх перед неизвестностью любого идеолога ломает. Работал со мной парень, Айказом его звали. Невысокий, на первый взгляд щупленький, как ты, но жилистый. Выпить любил, ну, как любой человек. Пошли мы с ним как-то в пивную. Пиво такое сейчас уже не делают, – Дмитрич облизнулся, – выпили, много выпили. Поздно уже было, а возвращаться далеко. Спустились на станцию «Пролетарскую» Горьковского метро, это Нижний Новгород сейчас, ну Айказа и придавило по маленькому сходить. Людей на станции не было. Отошел он за мраморную колонну и стал там свою нужду справлять. Я это дело, конечно, осуждаю, но ситуация казалась безвыходной, так что я его прикрывал на всякий случай. Надо же было такому случиться, что именно в этот момент шел по станции патруль. Айказа задержали. Меня отпустили сразу, это ж не я на мраморную колонну мочился, так что, я домой поехал. Ну, думаю, не скоро мы свидимся. Приезжаю утром на кладби-

ще, а он уже там. Раньше меня приехал. Я, конечно, удивился, такое дело, всё-таки хулиганство, да ещё и пьяненький. Рассказал он мне тогда историю, что посадили его в бобик и отвезли в отделение. Обращались грубо, кто-то даже пенка под задницу отвесил, неуместно шутили, в общем, приняли, как-то не радушно. Лысенький лейтенант, которому с виду Айказ дал лет сорок, и он еще удивился, что сорок лет, а лейтенант, заполнял какие-то бумаги. Айказ ему тогда строго так сказал:

– Знаешь, милиционер, я к тебе попал. Сегодня ты власть имеешь и меня тут унижаешь, но я отсюда уйду. Запомни, милиционер, хорошо запомни, что придет такой день, когда ты попадешь ко мне, и от меня ты точно не уйдешь.

Все эмоции, на какие только был способен лейтенант милиции, поочередно сменялись на залитом багровой краской лице.

– Ты кто?!? Ты угрожаешь мне, что ли?!? – вопил лейтенант.

– Я – могильщик! – гордо ответил Айказ, глядя ему прямо в глаза.

Лейтенант пришел в бешенство, он рвал об колено бумаги, над которыми корпел только что. На крики вбежал сержант, которому было дано поручение вышвырнуть Айказа к чертовой матери, чтоб духу его больше здесь не было.

– Позднее мы узнали, – сказал Дмитрич, – что с лейтенантом тем, на заре его карьеры, приключился курьезный слу-

чай. Ехал он темной ночью с коллегой по служебным делам и увидел ползущего по обочине на четвереньках гражданина. Не сомневаясь в том, что это их клиент, милиционеры загрузили гражданина в тесный отсек УАЗика и повезли в отделение. На крики гражданина о том, что они не имеют права, и что тот их пересажает, и так далее, милиционеры привычно не реагировали, и лишь в отделении узнали, что новый прокурор района обмывал в узком кругу свою должность и так некстати попался на их пути. Прокурора проводили домой, извинились, но тот, видимо, обиду затаил.

Глава пятая

Андрей внимательно слушал рассказ старика, как вдруг почувствовал назойливый зуд. Он подпрыгнул и неловко стал закидывать руку за спину, стараясь пальцами достать ниже лопаток.

– Дмитрич, гляньте, пожалуйста, что там такое, – сказал Андрей насторожено и повернул к старику загорелую спину.

– Э, брат, да тут дело – дрянь. Совсем плохо, вот, невезет, так невезет.

Старик внимательно разглядывал подставленную ему спину, щурился, причитал шепотом и качал головой.

– Да, что же там такое? – ещё больше встревожился Андрей.

– Клещ!

– Уберите его скорее.

– Нельзя. Голова внутри останется. Нужно, что б он сам ушел.

Юноша с ужасом смотрел на старика. Мгновенно он осознал, что вся его судьба находится теперь в грязных трясущихся руках.

Дмитрич принес банку с подсолнечным маслом, обмакнул в нее тряпочку и обильно помазал спину Андрея вокруг черного бугорка.

– Теперь только ждать. Масло не даст пройти воздуху и он уйдет, – пояснил старик.

Минуту спустя, мужчины убедились в отсутствии предсказанного стариком эффекта. Дмитрич принес граненый стакан. Нагрев спичкой емкость изнутри, он приложил её на спину Андрея, таким образом, что бы клещ оказался внутри.

– Сейчас мы его оттуда выкурим, проверенный метод.

Кожа в стакане покраснела и набухла, но клещ остался на месте.

– Время терять нельзя. Звони в скорую, – подытожил Дмитрич.

Дрожащими руками Андрей набрал номер станции скорой помощи и сообщил опадении клеща, затем полностью представился и указал адрес места своего нахождения. Соединение с диспетчером прервалось. Время остановилось. Андрей и Дмитрич беспомощно молча курили.

За воротами блеснули синие маячки. Андрей хотел бе-

жать на встречу своему спасению, но ноги предательски подкосились, и он остался на месте. Дмитрич открыл ворота и проводил фельдшера к пострадавшему.

– Здесь у нас клещ, значит, – докладывал Дмитрич, – мы его маслом мазали, и баночкой тянули. Нет толку, глубоко засел, кровопивец.

Врач осмотрел спину Андрея и покачал головой.

– Ну, раз маслом мазали, и не помогло, то теперь только к хирургу – окончил осмотр фельдшер.

Карета скорой помощи везла молодого человека в ЗИПовскую больницу. В нескольких метрах от хирургического корпуса машина остановилась. Андрей вышел и неуверенной походкой прошел в приемный покой. Молодая медсестра, в кокетливо-коротком халате, направила юношу в смотровую, а оттуда проводила в тесную комнату с кафельными стенками и велела ждать. Несколько минут спустя в комнату вошла тучная женщина в белом застиранном халате. Она скупающим взглядом посмотрела на Андрея, сидевшего к ней спиной, судорожно сжимающего в руках рубашку. Женщина подошла ближе и стала внимательно рассматривать клеща.

– Надя! Надя! – вдруг закричала тучная женщина.

В комнату заглянула медсестра.

– Надя, ты не видела, где мои очки?

Надя взяла со стола рыжий футляр и протянула коллеге.

Очки с толстыми круглыми линзами придавали женщине комичный вид. Андрей усмехнулся, но тут же вспомнил о

своем бедственном положении и опустил голову.

– Тут хирург нужен, – констатировала женщина, и тяжело шаркая ногами, ушла.

В комнату вошел молодой парень. Он окинул Андрея взглядом полным недоумения, затем взял из металлической баночки пинцет, ухватил им клеща и несколькими рывками удалил крохотное насекомое. Смазав ранку зеленкой, врач добавил:

– Если температура поднимется, сходи в свою поликлинику.

Андрей растерянно смотрел на хирурга.

– Прием окончен. Вы свободны, можете идти, – кивком указал врач на дверь и принялся заполнять журнал.

Юноша секунду помялся, затем надел рубашку и покинул кабинет, на ходу застегивая пуговицы.

Дмитрич сидел возле вагончика и широко улыбался. Андрей никогда не видел старика таким счастливым.

– Врач его просто выдернул. Выдернул и помазал спину зеленкой. Представляете, зеленкой, – задыхаясь от возмущения, начал Андрей, – ты всё знал, что ли?

– Ну, конечно, знал, – смеялся старик, – но это ничего не меняет, – добавил он уже серьезным тоном, – у меня всё равно не было зеленки, а с этим делом лучше не шутить. Зверь, тот, что на тебя напал, в наших широтах редко опасен, а вот заразу в рану может занести. Надо бы зеленку, на всякий случай, купить.

Глава шестая

Старик чинил найденный на свалке радиоприемник. Поднимая глаза, он видел в оконном стекле свое отражение. «Зачем человеку стареть?! Жил бы себе красивым да кучерявым столько, сколько ему положено, зачем же уродовать, как черепаху?!». Казалось старику, что ещё вчера он был молод и силен. Волосы поредели рано. К тридцати годам на темени появилась лысина. Иван Дмитриевич смирился, коротко остриг волосы и к своему удовольствию заметил, что новая прическа округлила лицо и добавила солидности.

Воспоминания – сокровища, которыми старик редко с кем-нибудь делился. Он вновь создавал давно ушедшие образы. Родителей он не знал. Мать умерла при родах, а отец ушел за месяц до его рождения. Бабка, заменившая Ивану всех родных, никогда его не баловала из уверенности, что только так он станет человеком, но скорее, из-за нищеты.

Чаще всего вспоминал Дмитрич первую и единственную любовь – девочку Любу, которая жила через три двора от его дома. Она старше. Белая кожа, черные волосы и синие глаза. Другие черты стираются, их вовсе нет. Люба общалась с ровесниками. Она не проявляла интереса к юному Ивану.

Скрыть от женщины чувства, сколько бы ей ни было лет, невозможно. Как зверь чувствует страх своей жертвы, так и женщине дано улавливать самые тонкие нотки симпатии к

себе.

Открыть Любе свои чувства Иван не решался. В маленьком рабочем поселке, где все друг друга знают, меньше всего хотел он насмешек. Уверенность в том, что никакой взаимности со стороны Любы не может быть, прочно укрепились в его сознании, что не мешало воображению подростка рисовать сцены их близости и взаимного счастья.

Был знойный летний вечер. Иван сидел на скамейке возле дома и в сотый раз листал апрельский номер «Техники молодежи». Люба возвращалась домой. Поравнявшись с Иваном, она остановилась и пристально на него посмотрела.

– Так и будешь сидеть?! – грубо обратилась Люба, – может, подойдешь?

Иван отложил журнал и сделал робкий шаг к предмету своего обожания. Его охватило чувство стыда за что-то, чего он не совершал, движения сковало, а выражение лица было глупо-растерянным. Попытки совладать с собой не имели успеха.

Люба взяла Ивана за руку и потянула ближе к себе. Только теперь он увидел заплаканные глаза.

– Что-то случилось?! Тебя кто-то обидел?!

– Нет. – ответила Люба уже не таким уверенным и твердым голосом.

– Просто скажи мне, я же ...

Люба закрыла глаза и резким движением прижалась губами к губам Ивана. Оба замерли, дрожь неслась по их телам,

не унимаясь. Рука девушки лежала на его затылке. Частое дыхание поднимало грудь под светлым сарафаном. Иван обнимал Любу жадно, но очень нежно и бережно прижимая к себе.

Взмах длинных ресниц скользнул по щеке Ивана. Люба освободилась из объятий и, сделав шаг в сторону своего дома шепнула:

– Не спеши, ещё слишком рано.

Легко развернувшись в босоножках на невысоком каблукке, стройный силуэт медленно таял под тенью лип.

Это был очень короткий поцелуй, но именно его запомнил Иван Дмитриевич на всю жизнь. Нежная рука, ласкавшая затылок, причиняла ему жгучую боль, когда опускалась ниже линии роста волос на обожженную солнцем шею. В объятиях слышал Иван учащенное сердцебиение. Миг, в который она принадлежала только ему, оказался важнее всего, что с ним случалось раньше и важнее того, что будет потом.

Глава седьмая

Обладание желаемым напрочь лишает покоя. Раньше Люба была скорее плодом воображения, чем живым человеком. Всё было по-другому. Не было страха потери. Иван долго не мог заснуть. Мысли путались: – «Что она делает? Нет, не прямо сейчас, а что она затеяла? Это какая-то игра или, может быть, она действительно любит меня? Почему плака-

ла?».

В комнате Ивана было душно и темно. Мелкие капельки пота выступили на лбу. Он стирал их ладонью, но те появлялись вновь и вновь. В постели неудобно и тесно. Ваня поднялся, перевернул подушку и снова рухнул. Легче не стало.

Утром тело ныло, чувствовалась слабость от бессонной ночи. Иван растерянно ходил по дому. Он то примерял рубашки, то оголял торс и сухим бритвенным станком срезал щетинку над верхней губой. На месте усиков появлялись багровые пятна и исчезали, когда он умывался холодной водой. Время тянулось бесконечно долго. Волнение нарастало. Иван отчетливо представлял, как он подойдет к Любе и возьмет её за руку. Она, конечно же, ответит ему улыбкой, и они пойдут гулять. Он будет непринужденно шутить, она звонко смеяться, а поздней ночью он проводит её домой и поцелует.

Полный уверенности в том, что всё будет именно так, как, он это себе представляет, Иван шел по улице в сторону Любиного дома. Солнце уходило в закат. Предвкушение скорой встречи заставляло юношу ускорять шаг. Из-за волнения походка была неуклюжей, он несколько раз споткнулся.

Иван замер в пяти шагах от дома, в котором жила Люба, не веря своим глазам. Калитка была распахнута настежь. За окнами не было занавесок. Обычно уставленное обувью крыльцо пустовало. Всё, на что падал глаз, уродливо изменилось. Краски побледнели, листья на деревьях казались жухлыми, проступили трещины в кирпичной кладке, которые

раньше Ваня не замечал. Быстро ветшал дом, лишившийся жизни.

Люба здесь больше не живет. Всё стало на свои места, и её вчерашний поступок больше не был тайной. Она раскрыла карты, потому что и не собиралась играть.

Глава восьмая

Андрей приехал непривычно рано. Старик наблюдал, как он приближался широкими шагами, на секунду остановился и вопросительно посмотрел на него. Дмитрич тяжело вздохнул и отвел глаза. Говорить было нечего и незачем – слова сейчас не играли никакой роли.

Умирал Жук – огромный, лохматый Жук, некогда сильный и злой до бешенства. «Дурной пес!» – говорили про него, но Дмитрич знал, что на самом деле никто так не думает. Говорили по привычке поносить на людях всё, чего боялись в глубине души и чему удивлялись. Некоторые просто завидовали Ивану Дмитриевичу – те, чьи псы, стоило поднять с земли камень, поджав хвост, прятались в будку. На Жука никто не смел замахнуться – бывает ведь, что и цепь рвется...

И вот теперь Жук умирал. Звериным чутьем почувствовал он неумолимое приближение смерти.

Он лежал возле своей будки с закрытыми глазами, и только едва уловимое движение шерсти над заметно проступив-

шими ребрами говорило о том, что он дышит, что он жив.

Дмитрич коснулся рукой лохматой головы собаки и почувствовал, как та, судорожно вздрогнув, приоткрыла глаза. Помутневший взгляд был устремлен не на хозяина, а куда-то мимо, немного, вдаль. Старик присел рядом на траву, закурил, глубоко затягиваясь. Стало трудно дышать, какой-то отвратительный ком сдавил горло.

Умирал Жук...

«Как же так, без него... – думал старик, забыв про сигарету и не замечая, как огонек подобрался к пальцам.

Незаметно подкрадывалась ночь. Пес снова приоткрыл глаза и вздохнул – тяжело, как-то совсем по-человечески. Он по-прежнему смотрел вдаль. Старик вспомнил, вернее даже не вспомнил – мысль пришла неожиданно: собаки не умирают дома...

Он нащупал рукой ошейник, почти вросший в некогда могучую шею собаки, отсоединил цепь. Потом отошел к вагончику и сел на деревянный чурбан, на котором обычно колот дрова.

Собаки не умирают дома... Жук не мог идти, не мог подняться. И потому он полз – медленно, едва заметно. Полз, пытаясь притупившимся нюхом поймать какой-то одному ему известный запах. Запах далекого предка, не знавшего цепи и ошейника, не имевшего хозяина...

В эту ночь старик не спал – лежал с открытыми глазами и вслушивался в тревожную тишину.

Он вспомнил, как иногда Жук срывался с цепи, пропадал где-то по несколько суток и все же возвращался домой. Что за сила гнала его тогда, здорового и сильного, к цепи и ошейнику? И что за сила заставляла умиравшего уползать от них?

Он не знал ответа.

Не дожидаясь, когда рассветет, старик снял со стены старый дождевик, накинул на себя и вышел из дома. Небо на востоке розовело, земля дышала полной грудью, дышала влажно и глубоко. Дмитрич провел рукой по траве, набирая в ладонь росы, умылся и пошел туда, куда вечером уползал Жук.

Проходя мимо пустой будки, он споткнулся обо что-то и едва не упал. На земле холодно поблескивала цепь. Сердце старика больно сжалось – в его представлении Жук и цепь всегда были неразделимы, как нечто единое и естественное. Сейчас же, глядя на мертвую цепь, ему стало особенно тяжело.

Пес не мог уйти далеко. Он лежал на мокрой траве, вытянувшись своим большим телом, с открытой пастью, в которой тускло желтели клыки.

Дмитрич расстелил дождевик, завернул в него труп собаки и медленно, ничего не замечая вокруг, побрел обратно к дому. Мокрые растения цеплялись за ноги, было скользко, но он шел, прижимая к груди уже остывшее тело Жука – осторожно и бережно.

Под акацией он выкопал яму, опустил в нее завернутого в дождевик Жука, засыпал землей. Только теперь, бросив

последнюю горсть земли, он почувствовал, как что-то в нем прорвалось, лопнуло... Слезы хлынули из глаз старика, и он, даже не пытаясь утирать их, уткнулся лицом в шероховатый ствол дерева.

Кто-то тронул его за плечо – рядом стоял Андрей. Сейчас слова были бессильны. Андрей понимал это, но все же хоть прикосновением пытался утешить боль старика.

Они стояли молча над холмиком свежерытой земли и не пытались скрыть своего горя. Они прощались с другом, прошедшим через все беды и радости...

Утро было ясное. Солнце поднялось уже высоко, и старик чувствовал его лучи на своем лице – с каждой секундой они набирали силу, и вот уже стало припекать.

Дмитрич глубоко вздохнул и огляделся: все вокруг сияло, залитое солнечным светом. Старик знал, что тяжесть утраты еще долго будет жить в сердце, и с удивлением подумал, что это почти не огорчает его.

Глава девятая

Ночью старик долго не мог заснуть. Постель казалась жестче, чем обычно. Грубые швы на бушлате под головой давили и впивались в кожу. Мысли роились потревоженным ульем. В сознании всплывали образы из детства, иконы в бабкиной спальне, шепот её молитв и плавные движения рук, благословлявших всякий раз.

Сон долго не шел. В висках пульсировали мысли. Жизнь неслась перед глазами. Немое кино черно-белыми отрывками мелькало под закрытыми веками. Редкие отрывки были яркими и несли с собой запах. Вспоминалась юность. Деревня. Покосившийся дом. Цветет сирень, запах перебивает керосин, которым бабка заправляет лампу. Трудно дышать, спазм давит грудь.

Утро пришло тяжелым похмельем. У кровати старик нащупал бутылку, потянулся, чтобы её поднять, но уронил, и бутылка глухо покатила по полу.

– Сука... – выдохнул дед и остался лежать неподвижно, тяжело дыша.

На столе стояла бутылка пива. Вчера старик забыл её закрыть пробкой, и содержимое выдохлось. Налитое в стакан пиво больше не поднималось пеной. Дмитрич отпил большой глоток и поморщился. В голове пронеслась мысль: «выдохшееся пиво – как вся моя жизнь, пить противно, а вылить жалко».

Слева от проходной завода стоял ларек. Тускло подсвечивалась вывеска «ПРОДУКТЫ 24». Ассортимент товаров был представлен самым скудным образом: сигареты, пиво, несколько разновидностей печенья. Скромное предложение торговой точки полностью удовлетворяло все потребности старика.

– Мне Колос и Яву, – протянул Дмитрич в окошко смятую купюру.

– Ну, собственно, как и всегда, – ответил скучный голос из окошка.

– Совсем торговли нет?

– Совсем, – отозвался скучный голос.

– Ты в Бога веришь? – почти шепотом спросил Дмитрич.

– Наверно верю, – немного оживилась продавщица, – а ты что ж, в попы собрался?

– Нет, – закончил разговор Дмитрич и забрал покупки.

В тот вечер дорога к вагончику казалась бесконечной. Шоссе, вдоль которого пролегал путь, опустело. Старика оскорбила насмешка из заплеванного окошка. Чувство беспричинной тревоги долго не отступало.

Дмитрич налил в кружку пиво, энергично отпил густую пену и закурил. Разбухшая форточка поддалась усилиям старика, который жестом, отгоняющим муху, провожал из своего жилища сизый дым. Из темноты врывался холодный воздух. Усталость наливала низкие веки свинцом.

Озноб прервал и без того чуткий сон. Форточка была не заперта. Единственная лампочка тускло освещала вагончик. Старик поморщился, ощутив в горле острую боль, захлопнул форточку и снова провалился в сон.

Бывают сны, которые реальнее действительности.

Юноша стоит на потертом пороге дома. Алыми пятнами выделяются маки на фоне травы, а в бесконечно синем небе нет ни одного облака. Звуков не слышно. Делаешь шаг, другой, бежишь. Всё вокруг движется, как в окне скоростного

поезда. Останавливаешься. Через дорогу Люба садится в машину. Она плачет. Ты парализован. Нет никакой возможности пошевелиться, кричишь, но ничего не происходит. Тишина.

Дмитрич проснулся в холодном поту. Тысячи лезвий рвут горло на части. Глаза закипают, слезы блестят на поросших седой щетиной щеках.

«Это всего лишь сон» – будто кто-то шепчет на ухо.

Сил встать с постели нет, как нет и желания просыпаться.

Снова юноша стоит на пороге. В следующее мгновение он бежит по тому же маршруту и останавливается на том же месте. Нет ни машины, ни Любы.

Дмитрич открыл глаза и приподнялся на локтях, он знает, что это был уже не сон. Он не видел, как уехала Люба. Он не знал, куда и почему она уехала. Просто исчезла, а он не пытался её искать.

Глава десятая

Дверь вагончика открылась настежь. В дверной проем ворвался холодный воздух и яркий свет. Посреди этого свечения возник щуплый силуэт Андрея.

– Дмитрич, я уж думал, что ты домой на праздники уехал, а потом смотрю, замок не висит, ну значит здесь где-то.

– Андрюха, – отозвался старик, не поднимаясь с постели.

– Точно здесь, не ошибся, – с сыновней любовью отозвал-

ся Андрей. – Я витаминов привез, пятилетних армянских, – протянул Андрей как знамя бутылку «Арарата», – работы сегодня не будет, завод ещё праздничный, а я нет.

Старик оживился, опустил ноги на грязный пол и, энергично потирая руки, шептал заклинания на только что придуманном им языке, созвучном армянской речи.

– Ну, что ж ты в дверях стоишь, гость дорогой! Заходи, располагайся.

Андрей вошел, но дверь закрыл неплотно. Затхлый воздух медленно свежел. На стол лег пакет с лимоном, сырокопченой колбасой, баночкой маслин и пластиковой посудой.

Дмитрич с видом знатока изучал этикетку. Болезнь уступала место по-детски настоящему счастью.

– Тут гора нарисована, она так и называется: Арарат, – заключил эксперт и бережно поставил бутылку на стол. – Гора эта вообще-то в Турции, – продолжал старик, почесывая щетину, – но армяне эту гору своей считают и в советское время её даже на гербе своем изобразили, а Сталин...

– Все знают эту басню, – прервал Андрей лекцию, – а также, что гора эта священная, и на ней Ной ковчег швартовал после всемирного потопа.

Дмитрич резал лимон и укладывал половинки долек на тарелке.

Андрей снял пробку, налил коньяк и пододвинул старику рюмку.

– Будьте здоровы, Дмитрич, – произнес Андрей короткий

тост.

Старик кивнул, залпом опустошил тару, с закрытыми глазами смакуя послевкусие.

Андрей вновь наполнил рюмки.

– Моя с мамой уехала, – заполнил Андрей тишину, – мы не женаты, да и к тому же не очень то меня её мама любит, а я её...

Маслянистые капли стекали на дно рюмки. Мужчины курили, не вставая из-за стола. Лень теплом растекалась по всему телу с каждой рюмкой всё сильнее и сильнее.

Андрей поровну налил коньяк в рюмки.

– Знаешь, Дмитрич, что Иисус мог воду превращать в вино.

– Вот это я понимаю талант! – восхищенно отозвался старик, – но вот, что получается, он же, то по воде ходил, то воду в вино превращал, да и потоп всемирный, и крестят тоже в воде. Вода, вода кругом вода, понимаешь?! Ну, ты понимаешь?!!

Андрей смотрел на Дмитрича с недоумением и уважением, одновременно не скрывая усмешки.

– Знаешь, где она прячется?

– Кто – она?

– Душа!

– Этого никто не знает, – уверенно заявил Андрей, взглядом предлагая Дмитричу наполнить рюмку.

– Ошибаешься. Ох, как же ты ошибаешься. Душа она в

тебе везде. Ну, разве что может быть, в волосах её нет, ну так я с ними давно попрощался. Душа она в тебе растворена. Растворена. Человек, он же большей частью из воды состоит. Вот в той самой воде она и есть. Получается, что мы с тобой теперь родственные души.

– Ну, тогда, пойду, душу изолью, что ли, – рассмеялся Андрей и отошел за вагончик.

«Вот и я о том же, родственная душа», смеялся в мыслях старик.

Мгновенье спустя Андрей вернулся.

– Скажи, Дмитрич, если душа – вода, то почему же тогда одна вода – прозрачный родник, а другая – моча?

– Да потому, что люди так устроены. Одни – прозрачный родник, что нет силы людей таких от себя отпустить, наполняют они жизнью и силой, а другие – моча, и чем дальше они – тем меньше вони.

– Это ты точно про мою тещу будущую подметил, – заключил Андрей. Мужчины громко рассмеялись.

Коньяк кончился. Андрей, легким кивком простился со стариком и отправился на автобусную остановку.

Оставшись в одиночестве, Дмитрич погрузился в раздумья. Мысль о водяной природе души, посетившая его во время застолья, казалась ему простой и в то же время невероятной. Старик восторгался собственной мыслью: ««Никто не знает, а я знаю, где душа. Теперь понятно, как Иисус ходил по воде и про чудеса, тоже всё понятно. Если он и вправду

был сыном Божиим, то кому, как не ему, иметь власть над душами, которые и есть вода и по велению его становились твердью или вином. Коньяком то, конечно, лучше было бы, но и вином неплохо».

Мысли прогнали сон. Старик вышел из вагончика, закурил и долго смотрел в небо сквозь сигаретный дым. В полной тишине мерцали яркие звезды. Медленно плыло облако. «Я знаю твой секрет, – повторял одинокий мужчина, не сводя с облака глаз, – я всё знаю».

Глава одиннадцатая

За ночь погода переменилась. Небо затянули тяжелые тучи. Крупные хлопья тяжело падали на землю и не таяли. Снегопад не прекращался. Иван Дмитриевич, не любил снег за то, что он долго тает и превращает дорогу в непролазные топи.

Со стороны шоссе что-то загремело, заскрежетало, зашипело, заскрипело. Старик натянул ватные штаны, накинул на плечи бушлат и выбежал из вагончика. Грязно-зеленый локомотив толкал товарные вагоны к мебельным складам. Поезд стал. Тепловоз отделился от вагонов и двинулся в обратном направлении, исчезая за деревьями на противоположной стороне шоссе. Единственный известный старику путь к магазину был отрезан. Обойти громадину оказалось не по силам – ноги вязли в снегу и проваливались по колено.

В адрес машиниста и его ближайших родственников неслись все известные Дмитричу ругательства, дополненные красочными эпитетами. «Ну, Андрюша, ж приедет на работу... ладно Андрюха молодой, перемахнет как-нибудь, а бетон, как же бетон привезут. Тьфу, твою, шпалы паровозной, мать». Старик со злостью пинал снег и тряс кулаками.

Два часа спустя вагоны находились на прежнем месте. С боку их подпирала густая терновая поросль, вплотную подходившая к бетонному забору. Дмитрич потоптался возле состава. Улица Тополиная уходила на запад. Идти в неизвестном направлении не было никакого желания, но когда уберут состав неизвестно, а припасы кончались. Особенно беспокоило отсутствие сахара и сигарет. Старик пошел вдоль заборов, полукруглых ангаров, бесконечных указателей и рекламных конструкций.

Стемнело. Дорога круто уходила вправо. За металлической аркой виселись ряды грузовиков. Дмитрич миновал стоянку и вышел к очистному пруду. Не более чем в ста шагах от него виднелись фонари Ростовского шоссе. Снова пошел снег.

Вдоль крутого берега пруда пролежала тонкая тропинка, по обе стороны которой виселись сухие стебли камыша. Старик шел медленно и аккуратно. От долгого пути ныли колени. Внезапно левая нога провалилась в пустоту. Тело, утратив равновесие, опускалось вслед за ногой. Дмитрич хватался за камыш. Тонкие листья разрезали кожу на пальцах. Еще

мгновенье и он уже лежал на льду.

Старик приподнялся, опираясь на правую руку, в попытке встать. Лед затрещал. Сквозь трещины проступила вода. Снег под ладонью стал темным и плотным. Лед проломился. Дед судорожно хватался за скользкие края. Ватные штаны надулись пузырем, а бушлат камнем тянул вниз. Корка льда больше не была опорой. Сил для борьбы не осталось. Дмитрий принимал свою участь смиренно. Не было ни страха, ни боли. Только пустота и звенящая тишина, которая вместе со стылой водой заполнила уши. Подо льдом было тепло. Невидимая волна нежно обнимала. В безмолвии отчетливо звучал любимый голос: «Не спеши, ещё слишком рано». Под ногами он почувствовал твердое дно, повинуясь инстинкту, сильно оттолкнулся, всплыл и крепко ухватился рукой за камень у самого берега.

Старик глубоко вдыхал холодный воздух и карабкался на берег. Мокрая одежда сковывала движения. Падал снег, и эхом звенело в ушах: «Не спеши, ещё слишком рано».

(история вторая)

Глава первая

«Господи, да будет воля Твоя святая, не так, как я хочу, а как хочешь Ты», шептал молодой человек стоя перед распятием. В кармане завибрировал телефон. Юноша перекрестился и вышел из церкви. На экране телефона моргал неизвестный номер.

– Алло.

– Андрей, здравствуйте, вас беспокоят из СМУ. Вы оставляли заявление о трудоустройстве и, как говорится, ваша просьба удовлетворена. Завтра мы запускаем на Ростовском шоссе производство бетонных колодезных колец. Подъехать сможете?

– Да, конечно, будьте добры, адрес.

Андрей записал в блокнот адрес, уточнил время, и на каком транспорте добраться.

Окончив разговор, молодой человек поднял глаза к небу и разочарованно произнес: «Господи, ну неужели Ты хочешь именно этого... Может, конечно, быть бетонщиком лучше, чем юристом, но...».

Андрей долго ехал в пыльном автобусе и вышел на остановке «Компрессорный завод». Он прошел мимо ресторана,

затем миновал большую автостоянку и свернул на улицу Тополиную, где сразу за железнодорожным переездом высился бетонный забор, бордовые ворота с калиткой и синий вагончик-сторожка. На просторной территории стояли в ряд зеленые цилиндры с моторчиками по бокам и небольшой морской контейнер.

Из вагончика выглянул щуплый дед, постоял с минуту на пороге и зашел обратно, не произнеся ни слова. С улицы было заметно, как он притаился у окна и, думая, что его не видно, разглядывал Андрея сквозь грязную занавеску.

Перед сторожкой, на цепи сидел черный пес с седой мордой. Собачья будка казалась маленькой для её обитателя, так как большая её часть уходила вглубь под вагончик. Пес, как и его хозяин, не покидал своего убежища, потягивался, зевал и лениво следил за чужаком.

К воротам подъехал серебристый автомобиль и посигналил. Дед открыл ворота, машина проехала на территорию и остановилась возле зеленых цилиндров. Из автомобиля вышел седой мужчина с красным лицом и обратился к юноше как к старому приятелю.

– Привет, Андрей, это я вчера звонил – Владимир Петрович.

– Здравствуйте.

– Вот, собственно, производство. Технология несложная. Берешь вон ту сетку из арматуры, скрепляешь проволокой и суешь в цилиндр. Дальше привезут бетон. Перекладыва-

ешь его вот сюда, – мужчина ткнул пальцем в пространство между цилиндрами, вставленными один в другой с зазором примерно в десять сантиметров, – включаешь моторчики, – мужчина указал на рубильник, – и как только бетон осядет, выключаешь. Всё. Работа выполнена. Гуляй смело.

– Вроде бы всё понятно.

– Вот и славненько. Вяжи арматуру, а я поскакал за бетон договариваться.

Мужчина обтер платком пот со лба, уселся в машину, умчался за бордовые ворота и через час вернулся. За ним подъехал самосвал с низкими бортами. Полусухой бетон из кузова грузовика легко ложился на лопату. Весь процесс не занял и часа. Андрей знал, что для начальства нет большей печали, чем видеть рабочего без дела, поэтому, закончив с бетоном, он взял проволоку и принялся связывать арматуру впрок.

– Я же говорил, ничего сложного, – с глубоким удовлетворением сказал Владимир Петрович, не покидая своей машины, – думаю, дальше сам справишься, а если будут вопросы, звони.

Рабочий день кончился рано. К трем часам Андрей успел умыться под садовым шлангом, переодеться и отправиться на автобусе в Комсомольский микрорайон, где снимал комнату в квартире пожилой пары.

Глава вторая

Будни мало отличались от первого рабочего дня. За неделю начальник приезжал ещё дважды. Сперва, чтобы убедиться в высоком качестве своей продукции, а во второй раз привез черную краску, которой следовало маркировать колодезные кольца. Оба раза начальник сильно торопился, а потом и вовсе перестал приезжать.

Субботним утром Андрей проснулся рано. Из кухни пахло жареной рыбой, и старуха нарочито громко жаловалась мужу, что кто-то не перекрыл в ванной воду, и та текла всю ночь. Старик в ответ охал и невнятно причитал. Находиться в комнате было невыносимо тоскливо.

Андрей быстро оделся и вышел на улицу. Возле троллейбусной остановки он купил газету, на первой полосе которой обещали тысячу вакансий в Краснодаре. Предложений было не более сотни, а заслуживающих внимания и вовсе не оказалось. На последней странице юношу привлекла рубрика «знакомства». В объявлениях указывались рост, вес, цвет волос, привычки и намерения одиноких сердец, а так же предлагалось отправить сообщение со специальным кодом, который позволит начать переписку.

День не сулил развлечений, и потому Андрей решил отправить сообщение с кодом из объявления Татьяны, которая, если верить газете, ростом сто шестьдесят восемь сан-

тиметров, весом пятьдесят килограмм, двадцатилетняя брюнетка без вредных привычек в поисках молодого человека для дружбы и общения. В ответ пришло предложение обменяться номерами телефонов. Андрей отправил свой номер и замер в ожидании. Телефон зазвонил. Девушка с приятным голосом представилась Татьяной, затем оправдывалась, что вообще-то она первый раз подавала объявление, ей посоветовала подруга, а самой ей даже немного стыдно. Андрей так же заверил, что ранее не интересовался рубрикой знакомств, но раз уж так сложилось, то почему бы им не познакомиться ближе. Встречу назначили на три часа возле пиццерии на улице Уральской.

Андрей сильно волновался. «Мало ли чего можно ожидать от таких свиданий вслепую. Явится какой-нибудь бегемот, и что тогда делать? Голос приятный у нее. Ну, и не жечься ж я пришел, в конце то концов».

Татьяна опаздывала.

В начале четвертого на пороге пиццерии появилась стройная девушка в сиреновом платье и с шикарными черными локонами. За столиками не было никого кроме Андрея. Секунду поколебавшись, она сделала шаг навстречу ему. Андрей встал из-за стола и подошел к Татьяне.

– Добрый вечер, – неуверенно начал он.

– Здравствуйте.

– Я тот самый Андрей.

– Таня.

– Очень приятно познакомиться. Именно такой я тебя себе представлял.

Татьяна смущенно улыбнулась.

– Я заказал пиццу и пиво, сейчас принесут, у них, кажется, ничего другого нет.

Андрей пил пиво, а Татьяна яблочный сок, они разговаривали о новинках кино и музыке. Темы личной жизни каждый избегал.

В половине шестого у Татьяны зазвонил телефон. Она извинилась и отошла в сторону, а через минуту вернулась и объяснила, что звонила мама, с которой они живут вдвоем, просила ей чем-то помочь, и что ей пора идти.

– Я провожу.

Татьяна согласилась, и они пошли к её дому пешком. Андрей робко взял её за руку, но, чувствуя, как потеют его ладони, вскоре отпустил. Весь путь не занял получаса. Они остановились возле подъезда панельного многоэтажного дома. Повисла неловкая пауза. Оба не спешили прощаться.

– Мы пришли, – кивнула Татьяна на дверь подъезда, покусывая нижнюю губу.

– Жаль. Приятно было с тобой провести время. Мы еще увидимся?

Татьяна не ответила. Андрей спешно поцеловал её в щеку. Она ушла.

Местность была хорошо знакома, он много раз проходил мимо этого дома. Сладкий аромат духов ещё стоял перед

ним, но насладиться мгновением помешало выпитое в кафе пиво. Неожиданно возникшая проблема взбесила простотой её решения, но мысль, о том, чтобы напроситься в квартиру к Татьяне, была отвергнута в зачатке, и он спешно направился в сторону своего дома.

Вокруг было светло и многолюдно. Ускоренным шагом Андрей шел по улице Сормовской к пересечению с Тюляева. За поворотом, через две остановки, стоял его дом. Справа показался кинотеатр «Горизонт». Пройдя еще двадцать шагов, он увидел узкий проход к тыльной стороне здания, и, не мешкая ни секунды, рванул в спасительный полумрак. Глубоко выдохнув, юноша обильно поливал зеркальную стену. Казалось, что кризис миновал, но тут Андрей разглядел, что где-то глубже его отражения, за синими стеклами, в ресторане проходил банкет. Все взгляды гостей и официантов были обращены только на него. Резкий спазм передернул все мышцы, и, не окончив начатое дело, он помчался прочь со всех ног, на ходу поправляя брюки.

Андрей бежал не оглядываясь. В подъезде он почувствовал себя в безопасности, в лифте отдышался и спокойно вошел в квартиру. Старики пили на кухне чай. Юноша запер дверь в своей комнате и повалился на кровать. Его разбудила короткая мелодия на телефоне. За окнами было темно, в квартире тихо. Щурясь, он прочел сообщение Татьяны: «Спокойной ночи!». На лице расплылась довольная улыбка. Он ответил: «Сладких снов!».

Глава третья

Воскресное утро Андрей встречал в приподнятом настроении и что-то напевал себе под нос, пока сбрасывал щетинку над верхней губой.

Татьяна заинтересовалась им, это воодушевляло и бодрило.

Новых сообщений не было. Прождав до десяти часов, Андрей пожелал доброго утра и поинтересовался о планах на день. Татьяна ответила, что будет свободна после обеда, и они договорились о встрече. Погода портилась. Солнце скрылось за бледными тучами. Легкий ветерок нес прохладу, какая бывает, если неподалеку прошел дождь.

В четыре часа Андрей вышел из дома, купил букет из семи веточек кустовой розы и отправился на свидание. Небо темнело, начинался дождь. Татьяна ждала возле подъезда. На ней было темно-синее спортивное платье на тонких бретелях и белые теннисные туфли. Черные пряди она заплела во французскую косу, а легкий макияж подчеркивал глубину карих глаз.

Андрей протянул букет, подался вперед и поцеловал Татьяну в щеку. Та с удовольствием приняла цветы и смущенно заулыбалась.

– Прекрасно выглядишь. Куда пойдём?

– Думала, мы сможем немного прогуляться, но, кажется,

дождь становится сильнее, – она оглядывалась по сторонам, свободной рукой поправляя косичку, – можем зайти ко мне, мама скоро уйдет на работу, познакомлю вас.

На этот раз смутился Андрей и даже слегка покраснел. Он с ней едва знаком, и совсем не планировал знакомиться с её мамой, тем более так скоро.

– Ну, если ты настаиваешь.

Татьяна просияла уверенной улыбкой, взяла его за руку и потянула вверх по ступенькам. Дверь подъезда захлопнулась, лифт отсчитал семь этажей, щелкнул замок, и они оказались в светлой прихожей.

– Мама, мы дома.

Из-за угла выглянула стройная женщина. Андрей отметил про себя, некоторое сходство во внешности матери и дочери.

– Здравствуйте, Ирина, – протянула женщина тонкую руку, – что ж ты не предупредила, что у нас будут гости, я б хоть прибралась, – продолжала она наигранно, – проходите, а я уже ухожу.

Андрей легонько пожимал предложенную руку и осматривал безупречно чистую комнату, видно было, что к его приходу тщательно готовились. Все трое прошли на кухню, где также царил порядок. Таня нажала кнопку на электрическом чайнике, проводила маму в прихожую и вскоре вернулась. Входная дверь тяжело скрипнула.

– Вот здесь мы и живем. Мама работает в колбасном цеху, бухгалтером, а по вечерам у них проходит реализация това-

ра.

– Уютно у вас.

Таня поставила на стол чашки.

– Есть кофе и зеленый чай, пива нет.

– Я не люблю пиво, просто в том кафе кроме него ничего не было, и жарко еще было.

– Я пошутила. То есть не про то, что пива нет, его правда нет, но есть кофе и чай.

– Раз пива нет, тогда чай, пожалуйста.

Таня разливала кипяток, Андрей растеряно озирался по сторонам. Вчера утром он её не знал, а сейчас пьет чай у неё на кухне и, даже познакомился с мамой.

За чаем, Татьяна коротко и без подробностей рассказывала о трудных взаимоотношениях с отцом, который живет где-то на севере, о том, что она работает в магазине одежды, любит животных и Ремарка. Андрей внимательно слушал, кивал и думал о том, какая она красивая, и как мило прикусывает губу всякий раз, когда о чем-то думает. И всё же он чувствовал себя неуверенно и скованно из-за высокого темпа, который Татьяна задавала их отношениям, и маленькой дырочке на носке, не заметной со стороны.

Глава четвертая

На остановке скопилось много народу. Моросил мелкий дождь. Андрей долго ждал автобус и заметно нервничал, так

как не любил опаздывать и оправдываться. Удручали мысли о вчерашнем свидании. Татьяна ждала от него чего-то большего, чем просто посиделки на кухне, а, может быть, не ждала. Что происходит? Принадлежит ли ему роль сплетницы подружки, или всё-таки она ждала чего-то большего, а он не смог понять, хотя подружек не целуют на прощание так жарко.

Андрей протиснулся в переполненный салон подошедшего автобуса. Полная женщина с мокрым зонтом наваливалась на него при каждом торможении машины. Дождик резко становился ливнем, но скоро прекращался полностью. К концу своего пути Андрей сильно вымок. Производства в таких условиях быть не может, но сбыту готовой продукции дождь не мешал. Калитка была не заперта, пес спал в глубине будки.

Переодеваться Андрей не стал, а только натянул резиновые сапоги, так как его обувь сильно промокла. Посидев с полчаса на мешке с песком и выкурив полпачки сигарет, юноша отправился к соседу. Каким бы ни был дед, а всё же интереснее будет, чем сидеть без дела в контейнере. Сторожа звали Иван Дмитриевич или, с его позволения, просто Дмитрич. Он оказался веселым и вполне доброжелательным.

В сторожке было тепло и уютно, а главное сухо. Старик увлеченно рассказывал о своем доме и цветущих садах. Андрей слушал и кивал, особенно, когда речь заходила об агротехнике винограда. Он тактично не позволял сомневаться

в том, что верит каждому слову, хоть и понимал, что старик врет.

Рассказ прервал звонок Владимира Петровича, который сообщил, что ни сегодня, ни завтра бетона не будет, и что на будущее они прорабатывают вопрос с навесом над производственным участком, но на сегодня он свободен.

Дождь стих. Андрей уехал домой.

Вновь возникли мысли об отношениях с Татьяной. Она милая девушка и даже красивая, но его к ней не тянуло. Захотелось позвонить, извиниться, объяснить, что он не герой её романа. Андрей посмотрел на экран телефона. Было начало девятого. Пальцы скользнули на журнал вызовов. Татьяна не была записана в телефонной книжке.

Мобильный завибрировал. Андрей узнал номер. Решимость порвать отношения исчезла.

– Привет, только о тебе думал.

– Привет. Я соскучилась. Приходи ко мне.

– Скоро буду.

Глава пятая

Татьяна крепко обняла Андрея, наклонилась и прижалась головой к его груди.

– Я так скучала. Хорошо, что ты пришел.

– Я тоже сильно скучал. Места себе не находил, – соврал Андрей.

Таня зажмурилась и впилась в губы Андрея. Его объятия крепчали. Правой рукой он прижимал её к себе, а левая рука ласкала шею и загорелые плечи, прижимая сильнее и сильнее. Спотыкаясь о расставленную в коридоре обувь, не ослабляя объятий, они прошли в комнату и повалились на кресло, затем на пол, снова на кресло и на диван.

Сквозь сон Андрей слышал, как скрипнула входная дверь. Таня выскользнула из-под его руки и на цыпочках ушла в коридор. Назревал серьезный разговор, что, в свою очередь, совершенно его не беспокоило, и, укутавшись в простыню, он крепко заснул.

Проснулся он в десять. Окно было плотно зашторено. Таня сидела на краю дивана и смотрела на него с нежностью.

– С добрым утром.

– Привет, мама сильно ругалась?

– Она еще спит, а я уже взрослая девочка, так что ни о чем не переживай.

– Тебе разве не надо на работу?

– Нет, у меня выходной.

– У меня тоже.

– Ты же не уйдешь?

– Нет.

– Никогда?

– Никогда.

Таня широко улыбнулась, выгнула спину, небрежно поцеловала Андрея в шею, чуть ниже уха.

– Умывайся, завтрак стынет, – прошептала она и ушла из комнаты.

На завтрак его ждала нарезка из нескольких видов колбас, варенные вкрутую яйца, горячий подсушенный хлеб и сваренный в турке кофе с кардамоном. После завтрака Андрей сказал Тане, что ему нужно пойти к себе, переодеться, а потом, они могли бы куда-нибудь сходить, прогуляться.

– Возвращайся скорее.

– Я пулей.

Андрей вернулся вечером, ближе к семи часам. По его расчетам, Танина мама должна была к этому времени уйти на работу. Дождь не прекращался. На лестничной площадке приятно пахло выпечкой. Таня открыла дверь, и недовольно надула губы.

– Ты обещал, что вернешься быстро.

– Пришлось немного задержаться, были дела.

– А мы с мамой печем яблочный пирог.

Андрей замешкался.

– Да проходи ж ты уже.

Ирина Сергеевна тщательно протирала чистую посуду. От духовки шел жар. Пирог остывал, наполняя комнату ароматом корицы. Андрей остановился у стола, не решаясь присесть.

– Здравствуйте.

– Добрый вечер, Андрюша. Присаживайся, наливай себе чайку. Чувствуй себя как дома.

Слова Таниной мамы звучали наигранно вежливо, при этом она старалась не встречаться с ним взглядом и постоянно краснела. Он тоже чувствовал себя неловко. Татьяна держалась очень уверенно и даже немного нахально. За стол она села рядом с Андреем, так что бы мама находилась напротив. Взглядом она предупреждала неловкие вопросы матери, еще до того, как та могла их задавать.

Часы на стене показывали без четверти одиннадцать. Андрей слегка привстал, намекая на скорое расставание:

– Спасибо за вкуснейший пирог и чай. Мне пора идти, завтра рано вставать...

– Оставайся, – сказала Ирина Сергеевна твердо, – в самом деле, уже поздно, да и в такую погоду...

Таня энергично кивала и покусывала нижнюю губу.

Андрей остался. Позже он задумывался, правильно ли понял суть предложения, но переспрашивать не стал и на следующий день тоже остался, а еще через день перенес к ним свои вещи.

Глава шестая

– Зая, где судочек?

– Там же где и всегда, – Таня открыла дверцу холодильника и указала на пластиковый контейнер с бутербродами.

В совместной жизни Андрей нашел покой, регулярное питание и «близость». Старики, у которых он прежде снимал

комнату, остались в прошлом, так и не вернув ему пять тысяч рублей за непрожитый в их квартире август. С мамой Татьяны он почти не виделся. Она уходила, прежде, чем он возвращался с работы, а утром просыпалась, когда его уже не было.

Сторож на производстве как-то подметил, что даже походка у юноши изменилась. Беспокоило Андрея лишь то, что романтические отношения казались ему скорее мимолетным увлечением, флиртом, без тени намека на привязанность и любовь.

– Скажите, Дмитрич, а так ли важно любить?

Вопрос прозвучал неожиданно, и без предпосылок.

– Ты нашел, у кого спросить. Я этими делами давно не балую. Тут невест, как видишь, не густо. Я тем, что на трасе, говорю, мол, зашли б хоть раз, деда порадовали, а они...

– А если серьезно.

– Если серьезно, – старик запнулся, подбирая нужные слова, – любовь заключается в желании служить и жертвовать, понимаешь? И заметь, что я говорю тебе не про тот зуд в мошонке, который у вас сейчас любовью зовется.

– Я ей ничем не обязан. Само так вышло. Почему же должен жертвовать? Ради чего? Не понимаю.

– И не поймешь...

– По Пушкину, так получается, что чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей.

– Нет, и снова не про то, – лицо старика покрылось испа-

риной, – в «молоко» бьешь, парень. Ты сейчас про спорт какой-то мне говоришь. Есть, конечно же, удовольствие в борьбе, а когда вершину покорил, она к себе уже не манит.

– Дед, я не про вершину, а про Танюшу, говорю.

– А чем же Танюша особенная, может у нее там поперек растет? – старик потер ладонью ниже пряжки ремня.

Андрей покраснел, на лбу надулась жилка.

– Я говорил, что не поймешь. Девчонку, главное, не обижай. Любовь не главное, она, может быть, придет, и не заметишь, а может и не придет, это у кого как случается, – старик кивнул на судок с бутербродом и подмигнул, – они же все ангелы. Откуда только берутся жены?!

В эту минуту сервелат волновал старика больше, чем амурные дела, к тому же, кофе совсем остыл.

Глава седьмая

В недостроенном приделе на нижнем этаже Храма Святого Духа совершалось богослужение. Праздновали Рождество Пресвятой Богородицы. «Аллилуйя, аллилуйя» пел хор. Андрей не заходил сюда со дня, когда ему предложили работать на производстве колодезных колец. Он стоял через дорогу от храма, где на церковнославянском языке призывали любить. Любить Бога, любить и своего ближнего, и врага.

Начинался дождь.

Таня была дома одна.

– Зай, ты пришел? Я приготовила гречневой каши с мясом, кушать будешь?

Андрей равнодушно кивнул. Татьяна поставила перед ним тарелку с ужином, а себе налила чаю и села рядом.

– Зай, а ты меня любишь?

– Конечно, люблю, как же можно тебя не любить.

– Ты никогда мне об этом не говорил.

– Если это для тебя так важно, буду говорить каждый день.

Таня нахмурилась и скорчила милую гримасу.

– Ну не дуйся, конечно же, я тебя люблю, причем, сильно-сильно.

Заданный вопрос не предполагал иного ответа. С чувством выполненного долга Андрей доедал кашу. Он соврал, чтобы не ранить. Ложь бывает грубой или изощренной, но всегда остается холодно-расчетливой. Вдруг к нему пришло осознание, что он обманывает не только Татьяну. Утешив себя тем, что лжет для её же блага, он понял, что в действительности так не считает, снова лжет, но уже себе и для собственной пользы. Гречка застыла в горле. Ему захотелось поскорее уйти, неважно куда, лишь бы не находиться в этой квартире. Тане он сказал, что забыл купить сигареты, хотя пачка была полной.

Тусклым желтым светом загорались фонари. Мелкий дождь и холодный ветер отвлекали от гнетущих мыслей. Стараясь ни о чем не думать, он шел по улице Сормовской, повернул налево и вскоре оказался у Карасунских прудов. В

темной воде низкие тучи и его уродливая копия разбегались кругами под каплями дождя. Он замерз и промок, но возвращаться не хотел, чтобы снова ей не врать.

«Никакой любви нет. Просто её не бывает. Есть только ложь, и одни говорят, что любят только потому, что другие хотят это слышать, им это нужно, они этого ждут». Андрей докурил, бросил окурочок в воду и, не спеша, побрел назад.

По дороге к дому он купил семь веточек кустовой розы.

Глава восьмая

Андрей проснулся за час до звонка будильника. Тело ныло, но от сна не осталось следа. Он даже засомневался, что спал этой ночью. Осторожно, чтобы не разбудить Таню, он выбрался из постели, тихо собрался и ушел. Дома укутывал плотный туман. Людей на остановке не было. В полупустом автобусе стоял сладковатый запах тосола.

Всю дорогу он представлял, как будет рассказывать Дмитричу о своем открытии, и о том, как сильно тот ошибся. Любви нет. В его новом понимании то, что называется любовью, — инструмент с бесконечной силой действия. Внуши человеку, что любить — значит жертвовать, и он принесет себя в жертву ради чьих-то идей. Отдавать безвозмездно и без сожаления можно только искренне веря в сакральный или иной, не менее важный, смысл своего подношения. Не может человек служить беззаветно, если сомневается, что поступает верно.

Что же на это скажет дед?

Истомленный Дмитрич молча стоял возле вагончика. Черный пес лежал у его ног, едва дыша. Жук умирал. Скорбь и беспомощность читались на лице старика. Он бережно гладил пса и неслышно что-то шептал ему на ухо, а затем курил, продолжая шептать в сторону. Андрей заметил, что у старика кончаются сигареты и присел рядом с ним, тоже закурил, и, как бы случайно, оставил почти полную пачку. Смотреть на прощание старых друзей было выше его сил, и он ушел.

Накатил стыд. Возможно, ему стоило остаться, хотя чем бы он помог?

Таня только проснулась, когда Андрей зашел в квартиру. Она вышла из ванной в коротком халатике, и, казалось, что еще спит.

– Зай, что-то случилось?

Андрей прислонился к входной двери, не зная, что ответить. Близящийся конец жизни сторожевой собаки едва ли многие сочтут значимым событием, но только, если это чужая собака.

– Ничего такого, о чем тебе стоило бы волноваться. У нас на работе есть старый пес, так вот, похоже, что недолго ему осталось...

Таня подошла и крепко обняла.

– Пойдем на кухню, там всё расскажешь.

Таня варила кофе и готовила бутерброды.

– У меня в детстве была собака, – сказал Андрей, когда

Таня окончила приготовления и села рядом с ним, – боксер, тигровой масти, довольно редкой. У нас с ней какая-то особенная связь была. Отец привел её домой, когда та была уже далеко не щенок. Взрослая, я б даже сказал. Поначалу она была замкнутая, что ли. Ничего не ела, и не пила. Что ей только не предлагали. Мать приготовила творог со сметаной...

– Не творог, а творог, – перебила Татьяна и тут же поймала на себе раздраженный взгляд Андрея.

– Рассказ не о молочке! Так вот, приготовила мать творог со сметаной и сует ей под нос, а та морду отворачивает. Немного творога упало на лапу, и собака тут же принялась его слизывать. Мать тогда всю миску ей на лапу вывалила, и собака всё съела. После этого случая она стала нам доверять и ела уже, как положено. Дважды в день, а то и чаще с ней гуляли. Мы с семьёй часто переезжали с места на место, и друзей у меня никогда не было. Никого, кроме нее, – немного помолчав, он добавил, – жалко старика. У него ведь только Жук и был.

Глава девятая

Под акацией, недалеко от сторожки, высился холмик свежерытой земли. Дмитрич стоял, прислонившись к дереву. Лицо его осунулось, глаза провалились, щеки впали. Видимо он заметил, как со спины подошел Андрей, и благодарно

кивнул, когда тот положил ему руку на плечо в знак своей поддержки. Они постояли молча, затем старик ушел.

Андрей переоделся и принялся вязать арматуру. День был теплым и солнечным, впервые за две недели. Вскоре привезли бетон. Жизнь возвращалась в привычное русло.

Дмитрича долго не было. К трем часам он вернулся, тяжело толкая старенький мопед. Старик привалил добычу к стене вагончика, громко выругался, сплюнул и пошел к Андрею.

– Видал мою технику?

– А то! Где динозавра откопали?

– Где откопал, там больше нет. Сказали, что на полном ходу, только долго стоял, и вот, почему-то не заводится.

Андрей угостил старика сигаретой, и они вместе пошли рассматривать диковинку. Это была «Рига-7». На раме еще виднелись остатки голубой краски, а бензобак с крыльями перекрашивались так много раз, что определить их цвет не было никакой возможности. Маленький глушитель в форме огурца был примотан к раме стальной проволокой, а на месте ручки газа торчал тоненький трос.

Дмитрич развернул кожаный сверток с гаечными ключами, уселся на бревно и энергично стал откручивать гайки, но только те, которые еще поддавались. Таковых оказалось совсем мало. Старик не сдавался и обильно поливал гайки и болты моторным маслом.

– Дмитрич, а искра есть?

Андрей присел рядом, выкрутил свечу и, положив её на головку цилиндра, скомандовал крутить колесо. Дед повиновался и, к своему удовольствию, увидел, как проскочила синяя искра.

– Говорю же, работает машина! А почему тогда не заводится?

– Причин может быть много, – с этими словами Андрей залил в камеру сгорания бензин через отверстие для свечи и закрутил свечу на свое место, – какой хозяин, такая и техника, – коротко объяснил он суть манипуляции, – пока пятьдесят грамм не нальешь, с места не сдвинется.

Дмитрич понимающе кивнул.

Упершись в руль, юноша резво толкал мопед по территории. Двигатель чихнул, фыркнул, громко зарычал, дернулся и заглох.

– Топливо не поступает, – с этими словами Андрей оставил мопед у стены и, отдышавшись, продолжил, – Вам бы от него избавиться, не выйдет толку.

– Как же не выйдет, еще как выйдет. Просить потом будешь, что б Танюшу свою прокатить с ветерком.

Воспаленные глаза старика улыбались, к нему возвращалась жизнь.

Глава десятая

Мопед спрятали под клеенку, дожидаться лучших времен.

Андрей переоделся в чистую одежду и заглянул в сторожку, попрощаться. Дмитрич сидел на табурете и сквозь занавеску смотрел в окошко. Увидев юношу, он наклонился и достал из-под кровати полуторалитровую бутылку с бордовой жидкостью.

– Угостили меня домашним вином, молодым, если не сильно торопишься, может, трахнем по стаканчику?

Андрей неохотно, но согласился. Вино пилось легко. Прокладный вечер располагал к беседе.

– Давно хотел спросить, как вы думаете, почему говорят, что нужно любить своих врагов? Как такое возможно? Ведь, если вашей логике следовать, то любовь есть желание служить, получается, что врагу служить?

Дмитрич недолго подумал:

– Любить врага не означает служить ему. Но подумай, что, вот сделал тебе человек пакость, специально или случайно, не важно. И вот сидишь ты такой, злой, ночь не спишь, думаешь всё, как бы ему ответить, изводишься. Ты не спишь, бесишься, а он спит. Крепко спит, потому, что и не знает о тебе и о том, что ты думаешь. Вот и получается, что какая тебе польза, если тебя желчью переполняет. Понимаешь?

– Понимаю. А еще, понимаю, что вы не правы. Нет ведь никакой любви, – ответил Андрей, и увлеченно рассказал старику в мельчайших подробностях о своих размышлениях на этот счет, о лжи.

Старик слушал, попеременно то кивая, то отрицательно

качая головой.

– От меня ты чего хочешь? – не выдержал дед, – как страус размышляешь: раз чего-то не вижу, значит, этого нет, – старик оглядывался по сторонам, ища правильный пример, – вот скажем, нет у тебя мопеда. Это не значит, что его не существует, хотя и нет у тебя. А у меня есть, и я знаю какой он.

Довольный собой Дмитрич отпил разом половину стакана, как если бы произносил тост.

– Любовь, получается, что как вера, не требует доказательств, да?

Старик устало кивнул.

Глава одиннадцатая

Время летело незаметно, а стемнело рано. Андрей встал из-за стола и ощутил невероятную тяжесть в ногах. Вино допито, разговор окончен, а в Комсомольском микрорайоне его ждала Таня и наверняка волновалась. Сон сморил в автобусе, под монотонный вой трансмиссии. На конечной остановке его разбудил водитель, и Андрей, шатаясь, побрел домой.

Тихонько он открыл дверь и бесшумно проник в квартиру. Было жарко и душно – включили отопление. Облокотившись о стену, он снимал ботинок, который, прежде легко сам спал с ноги, но именно сегодня никак не поддавался. Неловко упершееся в стену плечо соскользнуло, и тело вслед

за ним, с грохотом, рухнуло на пол. Таня с мамой молча наблюдали за жалкими попытками разуться.

– Молодец, дочь, нечего сказать, привела в дом черти что, – ехидно комментировала происходящее Ирина Сергеевна, – помоги ему, чего смотришь, и тазик дай, не забудь.

Таня послушно подхватила Андрея под руки, проводила к постели, поставила рядом эмалированный таз, который, впрочем, не понадобился, и ушла на кухню. Голова кружилась, не хватало воздуха. Комната плыла в разные стороны, потолок, то надвигался, то подпрыгивал и становился на место.

Танина мать решила, что Андрей уже крепко спит, и поэтому позволила себе высказать дочери всё, что о нем думает и долго в себе копила. В эту ночь, он услышал о своих недостатках во внешности и росте, о скудных перспективах и малом доходе и еще о многом. Были тут и слезы о загубленной молодости и мольбы «не ходить по тем же граблям». Таня больше молчала и только изредка возражала, оправдываясь, что такого, может быть, и не повторится, а, кроме того, что она его любит, и он хороший. Дальше Андрей не слышал, потому что заснул.

Глава двенадцатая

Часы на стене показывали без четверти девять. На полу валялись грязные вещи, в которых Андрей возвратился вче-

ра. Он натянул джинсы и вышел на кухню. За столом сидели Татьяна и её мать.

– Что ж вы меня не разбудили, – резко начал он, но, заметив на лицах каменное выражение, запнулся.

Таня виновато опустила глаза, мама же её, напротив, со злостью сверлила Андрея взглядом насквозь. Разговаривать с ним никто не собирался.

– А что, собственно, случилось?

– Нет, ну ты посмотри, он еще спрашивает, – язвительно начала Ирина Сергеевна, – он спрашивает, что случилось. Его тут, значит, приняли как родного, обогрели, а он...

– Мама, хватит!

– Нет, пусть слушает!

– А можно, я потом послушаю, а то на работу опаздываю уже.

Андрей пошел в комнату одеваться, а в это время Татьяна мама пренебрежительно и громко предсказывала дочери будущее с бездельником и пьяницей, а затем громче, почти кричала, что ему, (и она нарочно, брезгливо, не называла имени) дела нет до того, что же он творит.

Хлопнула входная дверь. Прикуривая на ходу, Андрей широко шагал на остановку. Недоумение смешалось с гневом. Он повторял про себя: «Что же он творит, что же творит, да что-что – ничего. Не может так долго продолжаться, нужно что-то решать. Уйду, к чертовой бабушке, уйду».

Глава тринадцатая

Дмитрич затыкал ветошью щели под прогнившей оконной рамой. Андрей прошел мимо, не сбавляя темпа, не поздоровался. Старик проводил его взглядом и неторопливо продолжил свое дело. Юноша метался по площадке, пинал и топтал куски бетона.

Покончив с утеплением вагончика, Дмитрич подошел к Андрею.

– Ну и какая муха тебя укусила, чего злой-то такой?

– Ирина Сергеевна укусила. В самую Душу покусала. Видать, давно повод искала для скандала, а тут я вчера выпивший пришел, ну и понеслось... Я к ней всегда с уважением, почтительно. И так и сяк, что б угодить, а она...

– Не гладь по голове змею. Всё равно укусит, природа у нее такая, – сказал старик, махнул рукой, сплюнул и поморщился, – а ты чего это в субботу приехал?

Андрей нервно рассмеялся, он совсем забыл, что сегодня выходной.

– У меня, кстати, осталось ещё со вчерашнего...

Андрей отмахнулся:

– Не, не, не, совсем не кстати. Поеду я домой, дослушивать.

Глава четырнадцатая

Дверь была не заперта. В прихожей горел свет, в квартире было тихо. Осторожно Андрей вошел в комнату. Таня сидела в кресле, тяжело дыша. На белом лице едва заметно дрожали посиневшие губы.

– Зай, что случилось? Что с тобой? Тебе плохо?

Она тяжело дышала не в силах ответить.

Андрей поцеловал холодный лоб, поднял Таню с кресла и осторожно положил на диван. Тело её обмякло, и ему показалось, что она совсем ничего не весит.

– Скорую вызвала?

Она едва заметно покачала головой.

Андрей схватил телефон и набрал короткий номер. Перебивая диспетчера, он умолял скорее прислать помощь. «Ожидайте, к вам уже выехали», – было последнее, что он услышал в трубке, а далее последовали короткие гудки. Растеряно он посмотрел на Таню. Бледная, совершенно белая, как фарфоровая кукла, она лежала перед ним.

«Господи, не дай ей умереть. Всё что угодно заberi, но только не её. Не дай мне это видеть, не дай пережить, Господи, не дай», – он не произносил в слух, не шептал, это даже не было мыслью, это стучала кровь: «Господи, не дай ей умереть».

Сквозь слезы он беспомощно смотрел на Таню. Она с тру-

дом дышала. Грудь медленно поднималась, но замирала и резко опускалась. Пауза, казалась бесконечной, а затем грудь снова поднималась.

Прошло двадцать минут. Андрей выбежал из квартиры, ведь доктора нужно встретить, и может он уже давно стоит под подъездом, не зная куда идти.

На улице никого не было. Бросить Таню одну – не лучшая идея, но и помочь ей нельзя. Он сделал всё, что мог, и теперь осталось только ждать. «Почему скорая едет так долго?» В одно мгновение он рванул в подъезд, но тут же остановился: «А что если она уже ... Нет. Что если её уже нет. Этого не может быть... Нет, нужно ждать скорую».

Машина бесшумно показалась из арки и остановилась. Фельдшер вышла, взяла чемодан, и они направились в подъезд. Лифт шел бесконечно долго. Возле квартиры Андрей замедлил шаг и пропустил врача вперед. Таня лежала, прикрыв глаза, не шевелясь. Щелкнул выключатель. По комнате разлился мягкий свет, и она едва заметно поморщилась.

Фельдшер измерила давление и попросила Андрея удалиться, одновременно извлекая из чемодана шприц и что-то ещё. Спустя минуту она пригласила его войти, и сидя на краю дивана, заполняла на табурете бумаги.

– Я дала ей обезболивающее. Ничего страшного – это невралгия, понервничала наверно, – сказала врач и презрительно глянула на Андрея, – немного поспит и всё пройдет. Подпишите вот здесь и здесь. Не болейте, – она сложила бумаги

в чемоданчик, – можете не провожать.

Лишенный сил, Андрей рухнул в кресло. Таня безмятежно спала, а он закрыл ладонями лицо, тихо плакал, слушал её дыхание и благодарил Бога за каждый вдох. Он вспомнил её вопрос: «Зай, а ты меня любишь?» И вслух ответил:

– Да! Конечно, люблю! Люблю!